

Сергей Милютин

КЕРКОПОРТА

Фантастические повести и рассказы

Сергей Милютин

**Керкопорта. Фантастические
повести и рассказы**

«Издательские решения»

Милютин С.

Керкопорта. Фантастические повести и рассказы / С. Милютин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506751-7

Действие всех произведений в этом сборнике происходит на нашей Земле. Но от этого они не становятся менее фантастическими.

ISBN 978-5-00-506751-7

© Милютин С.
© Издательские решения

Содержание

КЕРКОПОРТА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Керкопорта Фантастические повести и рассказы

Сергей Милютин

© Сергей Милютин, 2019

ISBN 978-5-0050-6751-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КЕРКОПОРТА

Краем пустой Сенной, пронизанной ледяным ветром, тяжело плелся худой закутанный в тряпье человек без возраста. Из-под старушечьего платка, обернутого вокруг головы, выбивались безжизненные седые пряди. За собой ленинградец с трудом волок санки с мешком, в котором смутно угадывались очертания человеческого тела.

Ио зябко поежился, не в силах отвести взгляд.

– Чего уставился? Не видал, как умирающий с голоду отец мертвого сына на кладбище тащит?

Ио испуганно обернулся. Позади, опираясь на крючковатую палку, покачивался из стороны в сторону старик с сизой щетиной на багровых щеках и буравил его колючим взглядом желтых как отсыревшая бумага глаз.

– Не видел, – пробормотал Ио, – Я – не местный, по делу здесь.

Кровь прилила к щекам.

– Какое у тебя, такого гладкого, тут может быть дело? – трясаясь то ли от гнева, то ли от недоедания, гаркнул желтоглазый, – Собираешься разделить нашу судьбу и наши страдания? Нет? А тогда зачем ты здесь? Поглазеть пришел на боль и смерть, турист гребанный?

Обличитель разинул щербатый рот, собираясь крикнуть что-то еще более злое и грозное. Но тут со стороны Урицка раздался грохот бьющих по Ленинграду немецких гаубиц. Им отозвалась артиллерия фельдмаршала Раглана, ударившая по Севастополю. Злобно фыркнула под Константинополем чудовищная пушка инженера Урбана.

Вдалеке блеснул крест на темном куполе Святой Софии. Туча напозла на сумеречное солнце и мир еще больше потускнел. Здания, крепостные стены, башни с часовыми, напряженно глядящими во враждебную даль за Периметром, как будто лишились красок.

«Утренний обстрел, – привычно определил Ио, – Надо поторопиться»

– В деловых кругах я известен как папаша Кураж, – «папаша» широко улыбнулся.

Кураж имел располагающую внешность – не брутальную мужскую красоту, а представительную «прелесть», вызывающую доверие и женщин, и мужчин. Однако Ио не мог избавиться от ощущения еле уловимой червоточинки во всем облике «папаши». Как в гладком глянцевого яблоке, напрочь выеденном изнутри.

Ио оглядел комнату: давно немые окна, залепленные бумагой крест-накрест, покрытые пылью пол и мебель, простывшие стены с унылым и страшноватым отпечатком безвозвратной оставленности хозяевами.

– Вы выбрали странное место для встречи. И время.

– Простите, – с тем же радушным выражением и обезоруживающей легкостью извинился Кураж, – Просто я хотел лично убедиться в Ваших выдающихся возможностях. Видите ли, мне рекомендовали Вас как человека, обладающего неким волшебным документом, который позволяет свободно перемещаться из одной части Города в другую. В любое время дня и ночи. Без опасности обыска или досмотра.

– И как, убедились? – поинтересовался Ио, стараясь поменьше демонстрировать эмоции.

– Вне всякого сомнения! Не знаю, понимаете ли Вы, насколько ценны такие возможности, – Кураж изобразил бурную радость, хлопнув себя по колену, – Вместе мы можем сделать хороший бизнес!

Ио попытался максимально убедительно показать заинтересованность.

– Вы не могли бы пояснить суть Вашего предложения?

– Как Вам угодно, – с готовностью согласился Кураж, – Как Вы знаете, в разных частях Города совершенно разная ситуация с продовольственным обеспечением. Здесь, в Ленинграде

люди буквально умирают с голоду. В Иерусалиме – примерно так же худо, да еще и римляне перекрыли доступ к воде. Зато у храмовников в Аккре нет проблем с морской рыбой, а в Константинополе в пределах стен, вообще, возделываемые поля и пастбища со стадами овец. А теперь представьте себе, сколько ценностей – картин известных мастеров, других предметов искусства, камней, золотых и серебряных украшений сейчас лежит без дела в квартирах, подобных этой. И их владельцы очень нуждаются и в тамплиерской рыбе, и в царьградском баранине. Да что там – в банальном хлебе! Улавливаете мою мысль?

Ио медленно кивнул.

– Вы предлагаете обменивать предметы роскоши на товары первой необходимости. Попросту говоря, на еду.

– В самую точку! – Кураж выбросил в сторону Ио руку с вытянутым указательным пальцем, – Владельцы с радостью расплатятся рубиновым колье за пару буханок хлеба. Да такая норма прибыли и Марксу не снилась в самых страшных снах! От Вас не требуется ровным счетом ничего – только сопровождение моих людей в их деловых вояжах из одной части города в другой. Ну и в случае чего извлечение Вашего документа. И за эту малость – пятьдесят процентов прибыли. Так как – по рукам?

Глаза «папаша» лихорадочно блеснули. «А, ведь, он опасен. И около дома, наверняка, дежурит пара громил, готовых на все, – вдруг подумал Ио, – Почему мне не страшно?»

Он вспомнил слова Гогенхайма: «Вы выглядите как бывалый мужчина средних лет и обладаете эрудицией умудренного человека. Но Ваш нынешний тип поведения, скорее, похож на подростковый: неоправданно низкая чувствительность к опасности и категоричность суждений юнца. Оба недостатка обычно проходят с опытом. Но Вы-то как раз личный опыт и утратили. По мере восстановления памяти все вернется. Но пока просто имейте в виду: не рискуйте и постарайтесь относиться к чужим слабостям более снисходительно.»

– Скажите, мсье Кураж, – Ио задумчиво опустил голову, – Вас не волнует этическая сторона вопроса? Ведь, фактически это грабеж людей, оказавшихся в отчаянном положении.

Кураж посерьезнел, поджал губы.

– Простите, уважаемый Ио, но никакого грабежа нет. Обычная торговля в соответствии с ее сутью, не изменившейся за тысячелетия. Люди отдают то, что им нужно меньше, за то, что им в данный момент жизненно необходимо.

«Папаша» придвинул кресло ближе и доверительно наклонился к Ио.

– Задумайтесь, Ио – мы же фактически спасем десятки людей от голодной смерти. Ну а тысячи процентов прибыли – разве не достойная плата за такое благодеяние и риск, с ним связанный?

Ио избразил последнее колебание.

– Кстати, насчет риска. Скажите, а раньше- то Вы этим занимались? Поймите правильно, я не делал до сих пор ничего подобного. Мне бы не хотелось бы влезать в дело, в котором участвуют одни дилетанты. Сами понимаете, какое сейчас время. Шалости, к которым раньше власти относились весьма снисходительно...

– Об этом не беспокойтесь, – с улыбкой оборвал его Кураж, – За последние несколько месяцев я уже сделал целое состояние на таких операциях в Париже. И как видите, жив и на свободе. А представьте себе, как мы развернемся с Вашими возможностями! Что же касается упомянутых Вами властей...

Губы Куража презрительно скривились, он откинулся на спинку кресла

– Я бы сказал им так: если вы не можете спасти людей от голодной смерти, мешать это делать другим любым способом – цинизм девяносто пятой пробы.

– Вам представится прекрасная возможность поделиться своими соображениями с представителями власти непосредственно, мсье Кураж, – раздался спокойный, даже ленивый голос из коридора.

– Что? Что происходит? – Кураж от неожиданности неловко вскочил и едва не рухнул набок вместе с креслом, – Жанно! Пьер! – крикнул он в темноту.

Оттуда вышли полицейские, которых он явно не ожидал увидеть.

– Если ищите своих помощников, то они уже у нас, – в пятне сумеречного света возник офицер в капитанском мундире, с прямой спиной, осанкой военного и лицом человека, буднично и скучновато уверенного в собственной правоте.

– Господин капитан? – Кураж поспешно повернулся к капитану, – Можно переговорить с глазу на глаз?

«Вот это реакция!» – невольно восхитился Ио.

– Нельзя, – офицер зевнул, прикрыв рот рукой в перчатке, – Предлагать мне взятку или пытаться договориться как-то иначе – бессмысленно. Забудьте, Кураж. Все кончено.

Профиль капитана особенно четко отразился тенью на стене.

– Феб, неужели это ты? – Ио с удивлением увидел на лице «папаши» искреннюю, хотя и изрядно истерическую радость.

Еще больше Ио изумился, когда Кураж вскочил и бросился к офицеру с явным намерением заключить того в объятия. Капитан с сонно полузакрытыми глазами, названный Фебом, недовольным жестом отстранил порывистого гражданина от себя. Коммерсанта тут же крепко подхватили под руки двое полицейских и вдавили обратно в кресло.

– Мсье Кураж, – скучным голосом продолжил капитан, как ни в чем ни бывало, – Вы признаете, что только что предлагали господину Ио присоединиться к банде, уже несколько месяцев занимающейся спекуляцией продовольствием в районе особого положения?

Кураж приоткрыл рот, судорожно втянул воздух, словно разучившись дышать.

– Можете не отвечать, – капитан пожал плечами, – Для осуждения достаточно фактов и без Вашего признания. Так что сейчас – в камеру, а завтра – военный суд.

– Как военный, какой военный? – задержанный побелел, – Я же – штатский!

– Ваше преступление в прифронтовой зоне подпадает под юрисдикцию военных властей, – снизошел до объяснения офицер, – Пару месяцев назад к прифронтовой зоне отнесен весь Париж – пруссаки в прямой видимости. Так что и без Ленинграда на высшую меру Вы уже наторговали.

Будто в подтверждение слов капитана невдалеке послышались артиллерийские раскаты. Кто-то из полицейских глухо выругался.

– Ты меня не узнаешь? – с отчаяньем Кураж вытянул шею, чтобы его лицо попало в свет из окна, – Это же я, Шарль, Шарло!

– Отчего же? Узнаю, – спокойно согласился Феб, – Шарль. Двадцать лет назад Вы жили в доме напротив квартиры одного будущего офицера полиции.

– И это все? – задержанный выпучил глаза, – Мы же были друзьями!

Феб пожал плечами.

– Когда-то я тоже так думал. Но если помните, несколько лет назад некий молодой полицейский обратился к одному начинающему депутату городского собрания с незначительной просьбой. А депутат ее проигнорировал. Тогда полицейский понял ошибку. И сделал выводы.

Кураж часто заморгал, от страха теряя контроль за членами. Его рука мелко задрожала на ручке кресла.

– И ты... из-за этой ерунды обречешь друга детства на смерть? Они же меня расстреляют!

Офицер заложил руки за спину, зевнул.

– Немного не так. Благодаря этой ерунде тот офицер понял, что упомянутый депутат его другом вовсе не считает. А дружба, как понимаете, односторонней не бывает. Ради обычного знакомого нарушать закон в военное время никто, разумеется, не станет.

– Феб, погоди!

Кураж дернулся, его опять вжали в кресло.

– Да послушай, наконец. В обмен на свою жизнь я могу отдать тебе кое- что более ценное, чем деньги!

Папаша» как гусь, вытянул шею и громким шепотом прошипел в сторону друга детства.

– Я кое- что знаю о Керкопорте!..

Капитан пожал плечами.

– Не располагаю полномочиями на ведение таких переговоров. Вот попадете к дознавателю, через него и сообщите, кому надо.

– Но им- то, им- то как раз, не надо! – взвыл Кураж.

Капитан кивнул подчиненным.

– Уведите.

Кураж неожиданно обмяк. На его лице застыло выражение парализующего ужаса. Сотрудники Феба как мешок вынули «папашу» из кресла и без церемоний потащили за дверь.

– А Вы и есть наш информатор?

Последний вопрос капитан задал уже Ио.

– Так точно, – ответил за него долговязый полицейский, – Именно этот господин сообщил о встрече.

– Позвольте посмотреть документ, о котором говорил Кураж? – поинтересовался Феб, – Крайне любопытно.

– Пожалуйста, капитан, – Ио протянул мандат.

По мере чтения Фебом бумаги Ио с интересом наблюдал, как у капитана медленно поднимаются брови. С неохотой Ио признался себе, что подобные моменты начинают доставлять ему удовольствие. Капитан вернул бумагу и отдал честь.

– Могу быть чем- то полезен, господин Ио?

– Скажите, капитан, – Ио пристально посмотрел на Феба, – А если бы гражданин оставался Вашим другом, Вы бы ради него нарушили закон?

Во взгляде капитана мелькнула не слишком скрываемая ирония. Он заложил руки за спину.

– Если больше пожеланий нет, не смею Вас задерживать, господин Ио. Будьте осторожны. Такое время, что за ошибки приходится дорого платить. Осада.

Открыв знакомую массивную дверь, Ио вежливо поздоровался с неизменно приветливой хозяйкой пансиона. Поднялся по скрипучей лестнице, отпер массивным ключом с фигурным ушком дубовую дверь. Очутился в мансардной комнате со скошенным потолком, добротной застланной кроватью, столом, двумя стульями и сундуком. Именно она и называлось у него домом, за неимением лучшего.

Ио поставил трость к стене, подошел к умывальнику и плеснул в лицо две пригоршни холодной воды. Глянул в зеркало. Оттуда с унылой укоризной посмотрел худощавый блеклый брюнет среднего роста и возраста с бледным мокрым лицом, поросшим черным волосом под носом, на подбородке и щеках. Под грустными глазами виднелись огромные фиолетовые мешки, в неярком освещении напоминающие фингалы.

Завершала образ офицерская шинель без знаков отличия поверх цивильного платья. Дворовая помесь дезертира с вольным художником.

Постоялец огляделся. Пробежал уже привычным взглядом по не вертикальным кирпичным стенам и не горизонтальному потолку. С легким беспокойством сообразил, что эта голубятня начинает ему нравиться.

Ио вспомнил, какое удручающее впечатление мансарда произвела на него, когда его сюда впервые привел мэтр Гогенхайм. Доктор отпер дверь, сунул не очень понимающему происходящее Ио фигурный ключ и бодро сообщил:

– Располагайтесь, поживете пока здесь. Вот Вам хлебные карточки на неделю и деньги на первое время.

Ио, моложе и глупее на несколько недель, машинально взял из рук доктора две пачки бумажек, схваченных резинкой, повертел, сунул в карман.

– Комната с завтраком и обедом оплачена вперед. Это, вообще, не Ваша забота, – с нарочито приподнятой интонацией продолжал Гогенхайм, – Насчет смены белья, стирки, чистки одежды и всего такого обращайтесь к мадам – Вы ее видели внизу. Приходите ко мне на обследование раз в неделю. Скажем, в понедельник. У Вас на понедельник никаких планов нет?

– Нет.

Только тут Ио сообразил, что доктор шутит.

– Тогда все, – удовлетворенно кивнул Гогенхайм, – Счастливо оставаться. Главное, потратьте время с толком – я Вам объяснял...

...Ио вздохнул, подошел к окну. Поглядел на бесконечные ряды крыш, шпилей, колоколен и куполов. Туда, где темнели суровые стены и разновидные башни Соловецкого монастыря, осажденного безбожными никонианцами. На мрачную громаду Консьержери. На Троице-Сергиеву лавру в туманной дымке и виднеющиеся за ней позиции литвинов. Ближе в разных местах различались серые каменные кварталы Кандии, ошетилившиеся от османов дулами пушек, деревянные терема Козельска, песочно-желтые стены Аккрской крепости, кривые улочки Ла-Валетты. Справа, освещенный пробивающимся среди туч солнцем, блестел изгиб Золотого Рога с лазурной водой, качающимися на его волнах деловыми рыбацкими лодками и праздными торговыми кораблями, запертыми в заливе великой цепью, и турецким флотом за ней. Слева над встречающейся с серо-голубым небом поверхностью Севастопольской бухты торчали мачты затопленных адмиралом Корниловым кораблей Черноморского флота. Дальше почти на грани видимости, за стенами на линии горизонта виднелись зловещие мертвые силуэты захваченных Врагом Мецады и Сигетвара.

Постоялец подошел к кровати, рухнул на покрывало, не снимая пальто. Закрыв лицо рукой от нектати выстрелившего через дыру в тучах солнечного луча. Несколько минут полежал, разрываясь между намерением снять пальто и нежеланием шевелиться. Посмотрел на часы, выдохнул со стоном. Опустил ноги с кровати.

Как ни лень, но пора идти на встречу с Никитой.

Начинался очередной день осады Города.

Знакомство с Никитой Ио мог считать благословением судьбы, если бы оно не оказалась единственным успехом в его предприятии.

Никита окликнул Ио, когда тот после бесплодных блужданий в очередной раз плелся в пансион по царьградской улице и остановился передохнуть на форуме Феодосия.

– Ио, дорогой мой! Рад Вас видеть в добром здравии!

С сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, Ио обернулся на голос и увидел маленького человечка возраста чуть старше среднего, уже изрядно облысевшего, с короткой бородкой, кривыми ножками под заметным брюшком и широкой улыбкой во все лицо.

– А уж как я рад, – совершенно искренне отозвался Ио, ухватившись за протянутую руку, как вцепился бы, висая на бездной, – Вот только, извините, не помню Вашего имени. Не сердитесь, я никого не могу вспомнить. Даже себя...

...За несколько недель до встречи с Никитой Ио лежал на спине и глядел в бело-голубой больничный потолок. В таком положении голова болела меньше всего.

– По результатам консилиума Вас могут поместить в закрытую лечебницу, – вещал мэтр Гогенхайм сверху вниз, как некое божество с облака, – Мне огромного труда стоило уговорить членов консилиума выпустить Вас из клиники, чтобы Вы немного пожили на воле. Это Ваш единственный шанс. Без заключения в четырех стенах и в нормальном человеческом окруже-

нии Ваша память сумеет восстановиться. Если не полностью, то, во всяком случае, достаточно, чтобы вариант желтого дома с повестки снять.

Пациент приподнялся на локтях. В глазах слегка потемнело.

– Доктор, с момента прихода в сознание я так ничего и не узнал о себе. Вы можете хотя бы перед моим выходом из больницы что-то объяснить? Откуда я, чем занимался, есть ли у меня родственники в Городе?

– Видите ли, Ио, – Гогенхайм успокаивающе положил руку на плечо пациента, – Должен признаться, это моя идея. Ваш случай – редкий, но не единственный. Я поднял все доступные в Городе данные о подобных расстройствах памяти, и обнаружил, что психика некоторых пациентов не выдержала обрушившегося потока информации о прошлом. После долгих раздумий я счел за благо, чтобы Вы открывали свое прошлое самостоятельно и постепенно. Походите по улицам, посмотрите по сторонам. Скорее всего, двигательная память сама принесет Вас к нужным зданиям и людям, и Вы все постепенно вспомните – гораздо более естественным путем.

– Не совсем понял, – смешался Ио, – Вы хотите, чтобы я все время до консилиума шлялся по осажденному городу и задавал жителям дурацкие вопросы?

Гогенхайм развел руками.

– Риск, конечно, есть. Но, поймите, это лучший способ за короткий срок подготовить Вас к консилиуму, чтобы Вы не загремели в дом скорби. Я-то понимаю, что Вы не опасны и вполне способны восстановиться без применения... – тут доктор запнулся, подбирая слова, – ...методов, которые используются в местном бедламе. Весьма жестких, скажу я Вам. Но я тут – белая ворона, пришлый. А местная корпорация врачей весьма сплочена и не любит выскочек.

Доктор широко улыбнулся.

– Кроме того, не думайте, что я не учел подобных опасений. Смотрите, какой документ я для Вас раздобыл.

Он протянул Ио бумагу. Тот машинально развернул листок.

Текст гласил:

– «Податель сего, господин Ио, свободно передвигается по Городе и вступает в общение с любым человеком, находящимся в Городе, по особому поручению Совета Оборона. В случае возникновения у подателя сего недоразумений с представителями военной или гражданской власти, а также иных опасных для него происшествий приказываю немедленно сообщить мне лично в любое время дня и ночи.

Глава Совета Оборона Города

Адмирал Франческо Морозини»

Ио думал, что задает вопрос, но из его рта донеслось лишь изумленное и испуганное сипение.

– Ну, все же, совсем уж ликовать не стоит, – по-своему понял этот сдавленный писк Гогенхайм, – Убивать людей среди бела дня безнаказанно Вы, все-таки, не можете. Но от мелких неприятностей бумага Вас избавит.

– Как Вы ее получили? – мрачно поинтересовался Ио, прочистив горло.

– Скажем так, одна могущественная персона принимает участие в Вашей судьбе, – объяснил Гогенхайм, – Имя я назвать не могу, извините. Отменить консилиум – не в его силах, но оттянуть, надавить куда надо, чтобы дать Вам возможность свободно пожить в Городе, а также выбить вот такую замечательную справку, он может. Если больше вопросов нет, я сейчас распоряджусь, чтобы принесли одежду.

– Погодите, доктор, – встрепенулся пациент, – А сколько времени мне придется ждать консилиума? Хотя бы примерно?

Доктор нахмурил лоб. Молча развел руками...

... – Вот так и живу здесь на полном пансионе, с деньгами и волшебной бумажкой. Обошел Город вдоль и поперек, завел кучу знакомств, узнал прорву информации, и не продвинулся к успеху ни на шаг, – закончил Ио скорбный рассказ.

Старые- новые знакомцы сидели в таверне на Месе, куда зашли выпить по кружке пски и обстоятельно поговорить.

– Неужели Гогенхайм так ничего и не рассказал?

– Представьте себе. Я уже и умолял его, угрожал, обзывал мучителем и взывал к совести.

– И?

– Сочувственно кивает в ответ, поддакивает в наиболее жалостных моментах – и молчит как рыба.

– Странная история... – только и смог сказать Никита, – Я, конечно, слышал об эксцентричности нашего новоявленного Галена. Но даже для Гогенхайма такой способ лечения выглядит неожиданно. А Вы не пробовали обратиться к кому-нибудь еще?

Ио растерянно развел руками.

– Кроме доктора я знаю в Городе только пару- тройку людей, которые за мной ухаживали в клинике. Но они то ли получили строгую инструкцию, то ли, на самом деле, не в курсе. А обращаться к другим членам консилиума просто боюсь. Как вопрос пациента «Кто я?» может отразиться на его дальнейшей судьбе – понятия не имею.

Собеседники замолчали. Кругом галдели посетители в замызганных туниках и вымазанных уличной грязью сандалиях. В воздухе стоял густой запах протухших рыбьих внутренностей, прокисшего вина и перегоревшего масла.

– Я очень надеялся, что Вы хотя бы знаете мое полное имя, – с грустью посетовал Ио.

– Простите, – сказал Никита извиняющимся тоном, – Но в прежнее наше знакомство я узнал только, что Вы – мой коллега, историк и писатель. Это все.

– А кто меня Вам представил? – ухватился за соломинку Ио, – Может быть, он знает обо мне больше?

– Нас познакомил Гектор, – Никита пожал плечами, – Замечательная во всех отношениях личность. Блестящий офицер, аристократ. Рекомендация такого человека для меня – высочайшая оценка. А он говорил о Вас исключительно в превосходных степенях. И как о литераторе, и как о человеке. К сожалению, месяц назад Гектор погиб. У нас тут, знаете ли, война.

Вдруг Никита встрепенулся.

– Да, кстати, вспомнил! Он говорил, Вы участвовали в боевых действиях. Правда, не здесь, не в Городе. Защищали от Врага какую-то крепость, как, бишь, ее...

Никита пожевал губами, наморщил лоб, вопросительно уставился на Ио.

– Не припоминаете?

Ио молча повесил голову.

– Очень жаль, – прошептал он то ли по поводу забытого им замечательного Гектора, то ли о собственной нелепой судьбе, то ли обо всем сразу.

– Ну, не вешайте носа, коллега, – Никита осторожно дотронулся до его руки, – Не все так плохо. Меня-то Вы встретили. А я знаю в Городе всю интеллектуальную элиту. Если Вы и впрямь – известный литератор, хотя бы и не здешний, и уже бывали в Городе до Вашего беспамятства, кто-нибудь Вас обязательно вспомнит.

– Вы хотите мне помочь? – Ио чуть не расплакался от неожиданной надежды.

– А почему нет? – Никита пожал плечами, – Хотя бы из уважения к памяти Гека. И потом, – Никита оживился, – Это же такой любопытный опыт! Какой же настоящий интеллектual откажется поучаствовать в разгадывании такой интересной головоломки?

Никита ободряюще похлопал Ио по плечу.

– У меня уже есть идея, с кем нам надо встретиться в первую очередь...

Обычно Ио виделся с Никитой в Царьграде, хотя и в разных местах. В этот раз они договорились о встрече в районе Региа.

Ио рассеянно прогуливался по форуму Константина, неспешно наматывая круги возле одноименной колонны, глаза на сосредоточенно торопящихся горожан, крикливых торговцев и старцев с лысыми затылками, легким пушком на макушках и грязновато- белыми, как мартовский снег, волосами на подбородке. Старцы и похожие на них рано износившиеся интеллектуалы без определенных занятий беседовали под навесом о природе Божественного и актуальных вопросах политики.

... – Я слышал, после окончания войны адмирал Морозини собирается баллотироваться в градоначальники.

– Морозини? Этот мелкий жулик?

– Ну, палку- то не перегибайте. Вы говорите о главе Совета Оборона. Он фактически управляет Городом.

– Подумаешь! Великая честь управлять Городом, во главе которого может оказаться мелкий жулик вроде Морозини...

... – Знаете, какое новое оружие применил противник в районе Иерихона? Специальные подразделения проходят вдоль стен и воздействуют на них звуковыми волнами. Когда подберется резонансная частота, стены обрушатся.

– Вы думаете, наше командование этого не предусмотрело? В стенах при строительстве нарочно оставили пустоты, чтобы волны и вызванные ими трещины не могли распространяться.

– Да, что- то такое припоминаю. Тогда еще слухи ходили, что пустоты делают для замуровывания в них человеческих жертв ради прочности стен.

– Ну, что делать, если большинству горожан такое объяснение понятней...

... – Уверяю Вас, уважаемый, видело много людей! Над Святой Софией поднимался вертикальный столб света, теряющийся за тучами. Говорят, по тому столбу из Города ушел его ангел- хранитель, уставший защищать погрязших в грехах горожан!

– Господь с Вами, дражайший, да это просто луч прожектора. Им освещают небо зенитчики, чтобы не пропустить немецкие бомбардировщики. Вы же образованный человек, должны такие вещи понимать.

– Ну- у, положим, все так. Но, скажите тогда, куда делся ангел? Ангел- то куда делся??...

... – В городе полно народа, кто только и ждет, когда Враг прорвет оборону. Чертова прорва предателей. Ими могут оказаться Ваши соседи, сослуживцы, Ваш зеленщик или нищий на паперти, которому Вы подаете по воскресеньям.

– Допустим, но что же с этим делать? Хватать людей по первому подозрению? Ну вот хотя бы наш с Вами разговор послушать кому- то со стороны. Это же сразу обоим – высшая мера...

... – Разделяю Ваше негодование уровнем городского управления. Но, все же, следует правильно расставлять приоритеты. Главный враг сейчас – тот, кто в данный момент пытается тебя убить. Ядро из его пушки не выясняет у жертвы, в чью голову оно прилетело, славил он императора или хулил. Оно его просто убивает. И если очередной штурм прорвет периметр, хлынувшая в жилые кварталы орда не станет разбираться, кто тут лоялист, а кто фрондер. Для нее мы это Город, а Город это мы. Так что давайте отложим наш дрязги до конца осады.

– Так- то оно так – но когда же она окончится, осада?...

– Ио, доброе утро! Давно меня ждете? Не соскучились?

Никита, как обычно, возник рядом, словно материализовавшись из воздуха.

– Подслушивание разговоров на форуме – хорошее средство от скуки, – ответил Ио, стараясь сдержать зевок, – Это же черт знает что такое. Я тут минут за двадцать наслушался на пару заговоров и десяток государственных измен.

– Должно же быть у людей место для выпуска пара, – сказал Никита.

– А также место, где спецслужбы могут, не шляясь в поисках длинных языков по всему Городу, узнать о настроениях в народе, – в тон ему продолжил Ио.

– Судя по Вашим ночным похождениям, сами Вы не чужды сотрудничества с органами, – заметил Никита, глядя в сторону.

– Откуда Вы узнали? – изумился Ио.

Никита развел руками.

– На то я и летописец, чтобы знать обо всем происходящем в Городе.

– По Вашему тону можно подумать – Вы меня осуждаете.

Никита пожал плечами.

– Мое дело – дружески предостеречь от риска без нужды. А голодная смерть несчастных на горах бриллиантов, сохраненных Вами для них – уже не моя забота.

Неожиданно гул голосов на форуме резко ослабел, будто шелест листьев, когда внезапно стихает ветер. Ио недоуменно посмотрел на Никиту. Летописец молча отпихнул его к стене, кивнул в сторону Ипподрома, коротко бросил одними губами:

– Царь.

Ио обернулся. По стремительно пустеющей середине улицы двигалась процессия. Впереди быстро проскакали энергичные всадники, разгоняющие с дороги зазевавшихся прохожих. За ними медленно, пристально глядя по сторонам и держа ладони на рукоятках мечей, шагом проехали статные рыцари в латах. За ними показалась колесница, запряженная четверкой лошадей, сопровождаемая свитой из полтора десятков богато одетых верховых.

В колеснице сидел высокий худой человек с величественной осанкой в пурпурной мантии поверх длинной туники, расшитой золотом. Толпа вокруг Ио уплотнилась. Кто-то поспешно отступал назад. Кто-то, наоборот, выскакивал вперед – ближе к процессии. Так что пару минут Ио видел только плывущую к нему поверх голов шапку из красного шелка с небольшим серебряным крестом наверху. Когда процессия приблизилась, Ио разглядел, что вьющиеся волосы мужчины и борода, растущая от середины щек, также густо подернуты серебром. Взгляд человека из-под густых черных бровей выглядел усталым. Воспаленными, будто оплавленными от близости небесного пламени глазами он скользнул по Ио, окатив смесью застарелого недоверия и властной угрозы.

Колесница почти подъехала к Ио и вдруг встала на месте, основательно встряхнувшись от неожиданной остановки. Спереди раздалось нервное ржание. Мужчина крепко ухватился за край, на его лице мелькнула тревога, мгновенно сменившись прежней уверенностью.

– Что там?

– Андрей Юродивый, Ваше величество! – проворно подскочил к царю молодой свитский, – Как из-под земли вырос посреди дороги. Убрать? – свитский наклонил к царю в позе безусловной готовности, и отпрянул, ошпаренный монаршьим взглядом.

Неожиданно легко для своих лет царь спустился с колесницы и пошел вперед, разгребая красными императорскими сапогами уличную грязь. Толпа ахнула и подалась вперед, увлекла Ио за собой и вытолкнула в первый ряд. Неожиданно Ио ясно увидел всю картину – царя в торжественных одеждах, идущего по улице подобно простому смертному, и сидящего в нескольких шагах от колесницы косматого очень худого голого человека, прикрытого одной тряпицей на чреслах.

– Здравствуй, Андрей, – сказал царь юродивому, – Зачем ты сидишь на дороге, преграждая путь царю? Надеюсь, у тебя есть веские причины, чтобы отнимать наше время?

Юродивый зачерпнул из лужи жидкую грязь растопыренной пятерней, внимательно проследил, как она вытекла сквозь пальцы, проговорил глубоко и задумчиво:

– Один ученый человек рассказывал мне, что время – иллюзия, существующая лишь в нашем сознании. Будущим мы называем многовариантную неизвестность. Прошлым – одно-

значную определенность. Настоящим – состояние, когда мы осмысливаем разницу между ними.

Андрей изумленно замолчал, будто оторопев от собственных слов. Встряхнул головой, как пес, вылезший из воды.

– Да что для тебя время, Константин? – продолжил он совсем другим голосом, словно только заметив царя, – Для того, кто в ночь перед решающим штурмом за великую цену купил у халдейских магов обещание, что страшное утро не придет в Город как можно дольше?

Углы губ юродивого дрогнули и поползли вверх. Лицо, огрубевшее от ветра, солнца и грязи, пошло мелкими трещинками.

– Теперь над твоей Империей не заходит солнце, царь. Хотя вся Империя свернулась как свиток до стен одного Города.

Юродивый покачал головой.

– Только ты ошибся, царь. Время остановилось лишь для Города. За его пределами оно идет как прежде. И однажды ворвется в Город, как вода через малую щель в плотине. И сметет все на пути.

Андрей ткнул в сторону императора длинным узловатым пальцем, черным от грязи и константинопольского солнца.

– Посмотри ясно, государь, кто из нас двоих на самом деле сидит на пути мощи, совладать с которой смертному не под силу.

Константин смотрел на Андрея с каменным лицом. От слов юродивого толпа затихла в оцепенелом испуге. В гробовой тишине подле неподвижного царя встала охрана, растерянно застыли свитские.

Константин склонился к юродивому. Он возвышался над Андреем, и Ио не мог понять, что он видит: то ли царя, глядящего на нижайшего из подданных сверху вниз, то ли просителя, смиренно стоящего перед тем, кого рассеявшийся в грязи Андрей сейчас представлял.

– И что же ты мне посоветуешь, Андрей, Божий человек? – спросил царь.

Ио увидел взгляд из-под бровей, одновременно устало злой и с надеждой ждущий чего-то.

– Отпусти Город, царь – как отпускают давно умерших близких. Его тебе уже не сберечь. Спасайся сам, – тихо проговорил юродивый, – Поменяйся одеждами со мной. Возьму твои грехи на себя. У Керкопорты притолока низкая, в царском венце ее не пройти.

Толпа охнула шепотом. С разных сторон раздался шорох. Кто-то в испуге торопился покинуть опасное место. Кто-то, напротив, замороженный, стремился пролезть вперед, к источнику неслыханных слов, обращенных к царю.

– Хороший совет для обычного человека, Андрей, – выпрямившись, сказал Константин, – Плохой – для царя. Мой крест – мне его и нести. Если империи суждено умереть, погибну вместе с ней.

Царь сурово замолчал. Давешний молодой свитский решительно шагнул к Андрею.

– Оставь его, – приказал император – свитский отдернул уже протянутую к юродивому руку., – Молись за меня, Андрей. И за Город.

Царь сделал несколько энергичных шагов назад, парой движений, ступив на спину вовремя подбежавшего слуги, заскочил в колесницу. Толкнул возницу в спину.

– Езжай!

Все вокруг будто по команде пришло в движение. По толпе пробежал расслабленный ропот.

– Помни о Керкопорте, Константин! – крикнул юродивый вслед тронувшейся колеснице.

Свита поспешно пронеслась за ней, подняв пыль, окутавшую толпу и Андрея. Когда клубы рассеялись, юродивого след простыл, будто и не было.

Никита дернул оцепеневшего Ио за рукав. Не дождавшись реакции, заглянул приятелю в лицо. В глазах летописца вспыхнул огонек любопытства.

– Что-то вспомнили, мой задумчивый друг?

Ио наморщил лоб.

– Даже не знаю. Только мало понятный намек на воспоминание. Что за странное слово сказал Андрей? Я его сегодня уже второй раз слышу.

– Керкопорта, – вдруг ясно произнес стоящий рядом молодой подмастерье в грязном фартуке с ведром в руке, набитым промасленной ветошью, и продолжил, невидяще уставившись в пустоту перед собой и четко выговаривая слова, – Что значит – Цирковые двери. Керкопорта – вход в страну мертвых. На выходе из туннеля находится цирк с сияющими огнями, где мятущиеся души вечно смотрят бесконечный полет колесниц по кругу. Колесницы стелкаются, их бессмертные возницы, вопя, летят в грязь под тяжкие копыта скакунов и под безжалостные колеса. Зрители вскакивают с мест, кричат, дерутся друг с другом – по одиночке и сектор на сектор. Они захвачены иллюзией безудержного бешеного движения. Но на самом деле ничего не двигается с места. Все – морок.

Ио удивленно воззрился на подмастерье.

– Что? Что Вы сейчас сказали?

– Да это ж все знают! – парень пожал плечами, подхватил ведро и насвистывая скрылся за углом.

Никита и Ио переглянулись.

– Так, – решительно заключил летописец, – Хватит на сегодня уличной мистики, а то на Петрония совсем сил не останется.

– На Петрония? – переспросил Ио, – Это которого зовут королем поэтов?

– Угу, – кивнул Никита, – Примерно в том же смысле, в каком бывает крысиный король на кораблях дальнего плавания. Человек, который парой слов начал десятки литературных карьер и сотни стер в порошок.

Летописец подхватил Ио под руку и повлек куда-то на боковую улицу.

– Я договорился о встрече с ним. Прямо сейчас. Если Вы и впрямь, как говорил Гектор, хороший писатель, он может Вас знать.

Никита ухмыльнулся.

– И если плохой – тоже может.

– Вы опоздали.

Петроний встретил гостей кислой миной и еле заметным движением обозначил вежливое намерение приподняться. Арбитр Изыщества возлежал в комнате для встреч на верхнем этаже, куда посетителей привел молчаливый старик-грек. На полу рядом с кушеткой в беспорядке валялись книги – Флавий, Фейхтвангер, Тацит, Светоний. На невысоком столике стояла корзина с фруктами, два кувшина и винные чашки с причудливым узором.

Знаменитый поэт явно старался поддерживать форму – рельефные руки, плечи и могучий торс выглядели весьма впечатляюще. Однако седина в волосах безжалостно обличала далеко не юный возраст, а одутловатое лицо и морщинистые мешки под глазами выдавали многолетнюю верность излишествам.

В комнате стоял назойливый запах дорогого вина. Тем же вином, но уже выпитым, переработанным организмом поэта и выходящим горячим похмельным потом, пахло и от самого Петрония.

Сделав гостям выговор, хозяин небрежным мановением предложил сесть напротив.

– Попали в затор на Месе... – начал было оправдываться Никита, устроившись на лавке.

– Извините, это я виноват, – перебил его Ио, – просто не мог такое пропустить. Там царь беседовал с неким Андреем Юродивым.

– Вас понравилось это представление? – Петроний поморщился.

– Представление? – Ио растерялся, – Но нищий обличил царя в слабости перед уличной толпой! Зачем это Константину?

Петроний подпер мускулистой рукой подбородок с небритостью, намекающей на трехдневное пьянство, и принял привычную, по всей видимости, позу поучающего мэтра.

– Во- первых, не нищий, а юродивый. Другой статус. Во- вторых, припомните, в чем именно он его уличил. Император, удрученный заботами о спасении народа, неведомой ценой – но юродивый намекает на некую высочайшую цену – останавливает падение Города и продолжает спасать его от катастрофы. Как Вы думаете, что тут главное?

– Что же? – поинтересовался Ио.

– Версий о причинах остановки времени в Городе – навалом. Одни не лучше других, – брюзгливо и, при этом, с видимым удовольствием от демонстрации превосходства ответил Петроний, – Особенность этой – в попытке внушить народу, что время в Городе остановила сама власть. Иначе говоря, все под контролем.

– А время в Городе и впрямь остановилось? – спросил Ио.

– Смотря что под этим понимать. Пока просто примите как данность.

Петроний схватил одну из чашек и опрокинул себе в рот, жадно глотая что- то прозрачно-розовое с больничным запахом. Никита, воспользовавшись моментом, когда хозяин не видит, сделал Ио страшные глаза и постучал по лбу.

Петроний отдышался, поднял на Ио красные страдальческие глаза. На лбу Арбитра изящества выступили капли, холодные на вид.

– Не знаю, знакома ли Вам концепция катехона, но тут ситуация очень похожая, – наконец, ответил Петроний, поставив пустую чашку на край столика, – Удерживающий непостижимым образом отодвигает предначертанные сроки пришествия царства Антихриста – то есть, фактически останавливает время, нарушает его естественный ход. Народ такое нарушение природных законов понимает и одобряет. И тут дело даже не в благодарности. Царь в такой концепции оказывается олицетворением удерживающей силы, ее главным гарантом. Необходимостью. Неизбежностью.

Мгновение спустя Ио с изумлением обнаружил себя нелепо вытянувшим вперед руку с чашкой и стоящим на коленях, согнув спину, чуть не касаясь лбом пола, перед кушеткой с развалившимся на ней Арбитром Изящества.

– Она опасно накренилась – я не хотел, чтобы красивая вещь разбилась, – промямлил Ио растерянно.

– Это дорогой предмет посуды – пиала из индийского камня, – задумчиво заметил король поэтов и добавил после паузы, – Ее особенность – необычайная прочность.

– После царства Антихриста Откровение обещает Второе пришествие, – произнес Ио, глядя на Петрония снизу вверх, – То есть, откладывая великие несчастья, Удерживающий отдаляет также Страшный Суд и Небесный Иерусалим- цель христианской истории. Разве это не абсурд?

Петроний удивленно глянул на Ио, будто только увидев.

– Откуда мне знать? Я же не христианин, – сказал Петроний и в первый раз с начала разговора обозначил краями губ улыбку.

Сам плеснул воду в спасенную чашку и выпил в два глотка. Еле заметно шевельнул рукой. Старик бесшумно удалился.

– Будьте любезны, Никита, оставьте нас, – сказал поэт, – Хочу переговорить с нашим гостем с глазу на глаз.

Никита украдкой глянул на Ио и воздел глаза к потолку – «теперь все сами давайте» – и вышел из комнаты.

– Хотел наедине спросить, чем могу Вам помочь, – сказал Петроний, когда они остались одни.

– Похоже, что ничем, – грустно прокомментировал Ио, – Если бы Вы меня узнали, сказали в первый момент нашего появления.

Поэт улыбнулся, как и в первый раз – краями губ.

– Верный вывод – из неверных посылок... А, кстати, зачем Вам так надо знать, кто Вы? Ио изумленно уставился на хозяина.

– Вы шутите?

Петроний отрицательно покачал головой.

– Все нет. Когда Никита рассказал мне Вашу историю, я подумал, как бы сам себя чувствовал на Вашем месте. Разве плохо начать жизнь заново?

Ио в недоумении глядел на поэта.

– Взрослый человек, определенно образованный и неглупый, – между тем продолжал Петроний, – еще довольно молодой и сильный, который при этом совершенно не помнит, каких долгов наделал, скольким дамам поклонился в вечной любви и какие гадости натворил за всю предыдущую жизнь. Я подозреваю, такой участи позавидовала бы добрая половина моих знакомых.

– Много причин, – заметил Ио, – Хотя бы, будь Вы на моем месте, подумали бы, что, может быть, есть люди – родные, близкие, которые любят Вас и которых любите Вы. И Ваше исчезновение и неизвестность Вашей судьбы причиняет им боль.

Петроний еще раз покачал головой.

– Если эти люди находятся в Городе и до сих пор не объявились, то, скорее всего, Вы для них не так уж и важны. Тогда Ваше незнание о них, возможно, и к лучшему. Если же они – за пределами Города, тогда Вам тем более лучше не знать об их существовании.

– Тогда вот Вам еще, – продолжил Ио, – Мое дело, занятие, которому прежний я посвятил жизнь. Смутные тени воспоминаний в моем сознании говорят мне, что это было что-то важное. А я даже не помню толком, чем зарабатывал на пропитание. Вряд ли литературным трудом, как утверждает Никита. Этим в нашем мире не проживешь.

– Ну так то было раньше, – Петроний с кислой миной махнул рукой, – Война же, а особенно долгая осада создает громадный спрос на людей, умеющих поднимать дух армии и населения. Складно объяснять, каким образом очередная очевидная глупость власти представляет собой невероятную мудрость, простым смертным недоступную. Могу слету назвать с пару десятков деятелей искусства, до начала войны перебивавшихся с хлеба на воду, а нынче сделавших себе хорошее положение и состояния.

Петроний, не глядя, протянул руку под кушетку и вытащил оттуда стопку бумаг.

– Вот смотрите, например. Рукопись на рецензию – деяния славного магистра Ла Валетта, командующего обороны Мальтийской набережной. Автор – мой добрый знакомый. Пока дочитал до места, где турки, отчаявшись штурмовать городские укрепления мальтийцев, от злости прибили к крестам обезглавленные трупы пленных христиан и отправили с попутным ветром в сторону Города. Хитроумный Ла Валетт магистр велел в ответ отрубить головы пленным туркам и стрелять ими из пушек. Согласитесь – невероятно остроумный ответ?

Ио от представленного зрелища плывущих в одну сторону крестов с распятыми безголовыми телами и летящих им навстречу голов чуть не стошнило. Он сделал пару шагов в сторону приоткрытого окна и жадно втянул свежий воздух.

– Вам плохо? – скорее, с вялым любопытством, нежели с сочувствием поинтересовался Петроний.

Ио, побледневший и мрачный, слегка пошатываясь, повернулся к хозяину.

– Ничего, не беспокойтесь. Может быть, Вам говорили: я – немного нездоров... Кстати, знаете, – он вдруг добавил, – с видом за Вашим окном что-то не так.

Петроний насмешливо приподнял бровь.

– Вы находите? И что же?

Ио опустил обратно на лавку, тяжело дыша.

– Не знаю. Непременно скажу, если пойму...

Петроний уже откровенно веселился, глядя на него. Он протянул руку в сторону Ио, но опустил ее, словно хотел похлопать гостя по плечу, но потом сообразил, что они далековато друг о друга.

– Вот что, Ио. Конечно, я Вас не знаю, как литератора, но в память о Гекторе мог бы составить Вам протекцию в Департаменте пропаганды. Она пока еще имеет вес. Начнете с рядовых должностей, а дальше – уже от Вас зависит.

– Мне кажется, – заметил Ио, – Вы не очень- то любите коллег. Однако предлагаете мне стать одним из них, – он вздохнул, – Ладно, вот Вам третья причина, почему я хочу все вспомнить – самая главная: я просто хочу знать правду о себе. Хотеть знать правду – нормальное человеческое желание, – и добавил, – Ну и не любить ложь – естественная эмоция. Даже ложь из самых лучших побуждений. Врут ли Вам или Вы врете – без разницы.

Петрония изумленно посмотрел на Ио.

– Не понимаю, Вы – святой или дурак?

Ио отрешенно пожал плечами.

– Когда одно другому мешало?..

Петроний резко обернулся к дверям.

– Никита, будьте добры, вернитесь к нам!

Никита поспешно вошел в комнату.

– Я – весь внимание, мэтр.

– Вы меня обманули, – Петроний бесцеремонно ткнул пальцем в Ио, – Никакой он не писатель. Искусство литератора – выдумка, обман, реальность он описывает или фантазию. А Ваш друг помешан на правде. Я бы даже сказал – на истине. Которая в наше трудное время – привилегия ученых. Вам надо встретиться с Архимедом, Ио. Возможно, он Вас знает. Или поможет в поисках. Это все, чем могу помочь.

Петроний жестом подозвал старика.

– Проводи наших уважаемых гостей до выхода.

– Извините, мэтр, можно последний вопрос на пороге? – сказал Ио, игнорируя злые гримасы Никиты.

– Только быстро, – нетерпеливо бросил Петроний.

– Что Вы знаете про Керкопорту?

Мэтр удивленно приподнял брови, потом вяло хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ах да, сцена на Месе... Да ерунда – нормальная реакция на осаду, – Лицо Петрония опять приняло выражение лектора, вещающего с кафедры, – Город воспринимается как убежище со страхом его потерять. И как гигантская ловушка, что вызывает своеобразную форму клаустрофобии. Отсюда и Керкопорта. Амбивалентный выход наружу, в неизвестность. И вероятность входа в убежище для чего- то чуждого, опасного. Возможность – одновременно манящая и ужасающая. Одним словом – чушь собачья. Очередная «народная мудрость» – неверная по содержанию и как минимум бесполезная по сути.

– Так что же, физически Керкопорты не существует?

Петроний глубоко вздохнул с интонацией учителя, потерявшего терпение от тупости ученика.

– Я уже ответил на последний вопрос. Вам пора...

Друзья покинули Римскую сторону и шли по кварталу Кандия. Никита долго молчал, поглядывая на Ио как родитель на ребенка, чуть не провалившего экзамен.

– Несмотря на Ваше упорное старание все испортить, Вы ему явно понравились. Честно говоря, даже не понимаю – чем именно. Ну, хоть это хорошо, – вздохнув, резюмировал Никита, – Симпатия влиятельного человека не помешает.

– Понравился? – искренне удивился Ио, – Это так называется? Тогда как же он себя ведет с теми, кто ему не по душе!

Никита скосил глаза на Ио.

– Плохо, мой правдолюбивый друг, очень плохо.

Он улыбнулся.

– Не берите в голову – просто у Петрония нынче очередная размолвка с властями. Но он найдет с ними общий язык. Они его всегда находят... Кстати, его совет про ученых – не так глуп, – добавил он уже на другую тему, – Гектор с ними плотно контактировал по вопросам разработки новых видов оружия. Вполне мог и Вас им представить.

– Хорошие знакомства среди ученых могут быть у Кандида, – заметил Ио, – У него целое отделение научной и философской литературы.

Никита скорчил гримасу, как от зубной боли.

– Опять Кандид... Зачем Вы ходите к этому солипсисту?

– Вы мне сами его рекомендовали, – парировал Ио без удивления, тема Кандида стала уже дежурной.

Никита развел маленькими ручками.

– Как смотрителя лучшей в Городе библиотеки. Но я же не думал, что Вы будете проводить в его бумажном склепе дни напролет!

Ио пожал плечами.

– Кандид – неглупый человек с глубокими познаниями.

– Чем более человек глубок, – назидательно заметил Никита, – тем больше у него соблазна и возможности унырнуть в глубину от реальности.

– Лимонад, кому свежий лимонад! – раздалось в переулке.

Друзья обернулись и увидели торговца в разнос с передвижным лотком на колесиках.

– Почему? – поинтересовался Никита.

– Три монеты за бутылку, – с готовностью ответил торговец, – Две штуки, господа?

Никита обернулся к Ио.

– Вам целую бутылку?

– Да, пожалуй.

Вдруг откуда-то сверху раздался оглушительный свист.

– Ложись! – истошно завопил торговец и рухнул на землю. Друзья не успели опомниться, как каменное ядро врезалось в мостовую и разлетелось на куски, разбросав осколки в разные стороны. Послышался звон.

Владелец лотка встал, споро оглядел содержимое тачки, где половина бутылок оказалась разбита.

– Шесть монет за штуку, – как ни в чем не бывало сказал торговец, – Две штуки – двенадцать.

– Согласитесь – невеликая цена за урок, мой ученый друг, – заметил Никита.

– Какой урок? – поинтересовался Ио.

– Человек ко всему приспосабливается, – и Никита отсыпал лоточнику монеты в пригоршню.

– Что Вас интересует на этот раз? – с улыбкой поинтересовался Кандид по прозвищу Исавр – «нелюдимый», благообразного вида бородатый мужчина в просторном балахоне.

Библиотекарь как всегда держал в руках книгу. Иногда Ио казалось, что это просто продолжение Кандидовой кисти, иногда меняющее цвет, форму и содержание.

– Керкопорта, мой друг, – так же дружелюбно ответил Ио.

Кандид изменился в лице.

– Простите, не разбираюсь в современности, – сухо проговорил он, встав со скамьи напротив Ио, и без лишних пояснений направился в глубину книжных рядов.

Ио сидел на просторной веранде, тремя сторонами выходящей в тенистый ухоженный сад.

Посещение Фессалоник всякий раз погружало его в глубокое раздумье. Редкие шумные улицы с ремесленными мастерскими и лавками торговцев прерывались мертвенно тихими, зарастающими травой. Библиотека Кандида находилась в одном из почти обезлюдивших кварталов. По пути к ней один за другим Ио проходил кварталы пришедших в запустение и покрытых глубокими трещинами зданий. Из темных провалов окон на верхних этажах опасно высывались взъерошенные головы заселившихся в брошенные дома бродяг и ставших уже неотличимых от них немногочисленных местных жителей.

– В Вашем саду хорошо, – заметил вслед библиотекарю Ио, – Здесь можно на время забыть нынешнее положение Города. Но нельзя все время жить, будто никакой осады нет.

– А, почему, собственно, нельзя? – огрызнулся Кандид, нервно обернувшись, – Разве я сам выбрал Город и его бесконечную войну? Я – не герой, обычный человек. Почему другие люди в других местах могут спокойно и комфортно жить? С них для этого довольно соблюдения минимальных приличий. А мне, чтобы быть хорошим человеком, непременно надо совершать подвиги. Только из-за того, что имел несчастье здесь родиться? Достаточно того уже, что я не делаю явных мерзостей.

Нахмурившись, с поджатыми губами Кандид встал между двумя высокими шкафами как некий грозный бог книжных рядов и бумажной пыли.

Ио покачал головой.

– Если Враг ворвется в Город и окажется перед Вашими воротами, вряд ли эти Ваши слова станут для него веской причиной не входить... Так Вы мне поможете?

– Ну зачем Вам? – почти простонал Кандид, – Керкопорта – дурная, почти неприличная тема. Примерно как...

Тут он запнулся и замолчал.

– Помните нашу первую встречу – десяток моих посещений тому назад? – сказал Ио, так и не дождавшись продолжения, – Вы тогда спросили, что я ищу.

– Вы сказали – ищите себя, – кивнул Кандид.

– Есть основания полагать, что Керкопорта может меня привести, куда надо.

Кандид пару раз испуганно моргнул. Немного по-детски погрозил Ио пальцем.

– Как человек, чье ремесло – слова и тексты, посоветовал бы Вам быть осторожнее с двусмысленными высказываниями.

Не сходя с места, библиотекарь снял с пары полок несколько свитков, тонкую тетрадь и пару толстых потрепанных книг.

– Вот здесь кое-что есть на Вашу тему. Даю исключительно в надежде, что Вы удовлетворите любопытство и оставите эту опасную затею.

Ио развернул выдавший виды свиток с еле различимыми письменами. Начало текста пропало выше неровно оборванного края. Окончание последними буквами упиралось в обугленную кромку.

«... называется небольшая дверца в человеческий рост близ Периметра, скрывающая забытый подземный ход, который ведет наружу – за городские стены. По одной из версий Керкопорта расположена во Влахернах в Царьграде, недалеко от дворца Константина Багрянородного. Однако целенаправленные попытки частных лиц найти ее там ни к чему не привели, равно как и в других местах. О поисках Керкопорты городскими или военными властями ничего доподлинно не известно», – прочитал Ио первые строки.

Ио потер глаза большим и указательным пальцами, снова стал всматриваться в бледные размытые буквы.

«...Интерес к Керкопорте объясняется легендой неизвестного происхождения. Согласно ней исход осады зависит вовсе не от Совета, не от количества солдат с обеих сторон, не от крепости укреплений Города и не от пробойной силы стенобитных орудий и артиллерии Врага, а только от того, кто раньше найдет ход через Цирковую дверь. Если первым вход отыщет Враг, то его передовой отряд незамеченным войдет в Город, откроет главные ворота, и Город падет. Если же горожане опередят, они взорвут подземелье. Услышав грохот из-под земли, Враг поймет, что произошло и уйдет. И осада закончится.»

Ио поднял голову. Его взгляд уперся в высокую противопожарную стену напротив. Ио показалось, что он видит ее насквозь, и дома за ней, и многие кварталы, вплоть до Периметра. Часовых с алебардами, не смыкающих глаз в вечных сумерках, пулеметчиков на вышках, костры с греющимися подле них воинами в походных туниках, прожектора, шарящие по минным полям.

– Странное дело, – задумчиво заметил Ио Никите, – Петроний от моего вопроса о Керкопорте пренебрежительно отмахнулся, а Кандида он как будто испугал. Но, в конечном счете, оба не хотели о ней разговаривать.

– Подумаешь, загадка, мой любознательный друг, – хмыкнул Никита, – Для впечатлительного Кандида Керкопорта – выход в неизвестность, она его иррационально страшит. А умудренный циник Петроний считает, что неизвестного для него не существует. Стало быть, в Керкопорту он просто не верит.

Друзья медленно прогуливались по Городу. Встретившись на форуме Феодосия около мраморной триумфальной арки, они прошли среди шумной даже в дни осады царьградской толпы, судачащей о флоте Масламы ибн Абдул – Малика в Мраморном море, и не заметили, как забрели в Харлем, осажденный Фредериком Альбой. Небо над головами приятелей опустилось и посерело. Улицы стали малолюдней, прохожие на них – бледнее и молчаливей.

– А, вообще, далась Вам дурацкая сказка, – прошамкал Никита, неспешно жуя на ходу пирожок, – Это все влияние Вашего Кандида и бесплодных копаний на его книжном кладбище, – летописец с уморительной строгостью погрозил коротким пальчиком куда-то в пространство, – Гогенхайм верно говорит – Вам нужно больше находиться в гуще живой жизни.

– Да я стараюсь, – улыбнулся Ио, – Вот, кстати, на днях попал в Афинах на представление героической трагедии «Фермопилы». До сих пор – в полном недоумении.

Ио поведал Никите о посещении постановки о подвиге трехсот ополченцев во главе с неким Леонидом по прозвищу «Царь». В пьесе подробно рассказывалось, как упомянутые три сотни несколько дней удерживали вражескую армию в Фермопильском ущелье, чем предоставили Городу драгоценное время для подготовки к осаде и все до одного погибли из-за предательства.

По окончанию представления зрители стоя приветствовали присутствующего среди них «Царя», к удивлению Ио выглядящего живым и здоровым огромным ражим мужиком с разбойничьей рожей и рыжей бородой. Леонид принимал овации как должное и с видимым удовольствием. Несколько раз за несколько минут аплодисментов он вздымал вверх и яростно потрясал в воздухе огромным мечом, вызывая очередной взрыв восторга. Ио до того растерялся, что не встал со всеми, когда началось ликование.

– Что, в самом деле, не встали? – Никита изумленно уставился на Ио, чуть не уронив пирожок.

– Нет, почему же, встал, – поспешно уточнил Ио, – Только чуть возже, когда заметил злобные взгляды окружающих. Но поймите мое недоумение...

– Да какая Вам разница – погиб он в этих горах или не погиб? – Никита выразительно всплеснул маленькими ручками, – В такой ситуации надо, в первую очередь, о собственной шкуре беспокоиться. Своим поведением Вы чуть публично не оскорбили народного героя в самой гуще его восторженных поклонников. Он, конечно, непременно рано или поздно свернет себе шею, – справедливости ради оговорился летописец, – Но нынче Леонид стремительно набирает силу и популярность. К тому же власти явно пытаются использовать Леонида в уличной политике.

– А что – и такая в Городе есть? – удивился Ио.

– А как же? – Никита доел пирожок и стряхнул крошки голубям, – Леонид нужен Совету как противовес левым. Про Парижскую коммуну слышали? Так это еще цветочки.

Ио поймал голодный взгляд оборвыша лет десяти, сидящего у стены. Кроме голода во взгляде мальчишки горела огнем бесконечная злоба к Никите, который может себе позволить не доедать крошки.

– Анабаптисты из Мюнстера, вот уж кто – настоящие чудища из преисподней, – с удовольствием продолжал Никита, – Обобществление всей собственности и всех фертильных женщин от двенадцати до пятидесяти лет – ну не прелесть? И руководит ими некий Ян Лейденский, в прошлой жизни – портной. Он у них одновременно за царя и за пророка. А до него главным у анабаптистов был и вовсе пекарь, – Никита хохотнул, – Можете себе представить, мой благородный друг, чтобы Городом управлял держатель вот этого заведения? В белом колпаке вместо короны, со скалкой вместо скипетра...

Ио посмотрел в направлении, указанном Никитой, на витрину с пышной булкой из папьемаше.

– Не знаю, – ответил Ио, – мои карточки отоваривает хозяйка пансиона. Сам я ни с одним пекарем не знаком. Однако согласитесь, популярности представителям этой профессии нынче не занимать.

Он показал на очередь в лавку, что тот змий извивавшуюся вдоль всего квартала. Когда друзья приблизились, ее мерное жужжание рассыпалось на отдельные голоса.

... – А в Орлеане ходят слухи, что скоро в город приедет некая дева, и в тот же день осада будет снята. Там все в это свято верят!

– Да я про эту деву слышал, еще когда мой малой в пеленки писал. Нынче он уже в мастерской помогает, а она – все дева. Как эта вековуха может помочь Городу, если собственную жизнь устроить не может?..

.. – Вот Вы смеетесь, а, ведь, со временем в Городе и впрямь, дьявольщина какая-то происходит. Иначе почему в Козельске говорят, будто осада длится всего семь недель, в Севастополе – целый год, а в Кандии монахи-воины уже тех в солдаты забривают, кто при осаде родились?

– Я знаю, я вам все объясню. Генерал Навин – тот, что осадил Город со стороны Иерихона – сильнейший маг. Так вот он во время одного из штурмов и остановил солнце на небе!

– Да нет, Вы путаете, все наоборот. Это наш научник сделал, Архимед из Сиракуз. Он придумал такую штуку – маятник называется. Поймал в нее время, а потом остановил. Удобно же – хлеб в закромах не плесневеет, порох в магазинах не портится...

– Да, да, все верно. Мне сват рассказывал – он на Малаховом кургане служит. Говорит, французские офицеры в наступление идут с карманными часами вместо револьверов в руках – пытаются здесь у нас затор на потоке времени разогнать. Если у них получится, Город падет. Вот тогда нам всем – хана...

– Вот поглядите, мой наблюдательный друг, – прошептал Никита на ухо Ио, – Публика совсем другая, нежели на форуме. Тут – как бы простецы, там – как бы мудрецы. А на поверку выходит – та же смесь нелепых суеверий, дурацких догадок и домыслов. Даже здесь, пожалуй, здравого смысла побольше. Вот нам урок: лучшее образование и более пристальное отслежи-

вание событий не дают решительно никакого преимущества для понимания происходящего – только знание ситуации изнутри.

– Так бывает, только когда принятие решений и достоверная информация полностью закрыты от людей, – возразил Ио.

– А разве бывает иначе? – удивился Никита.

... – Да- да, точно – на пошадю надеяться не стоит – между тем, продолжали бормотать в очереди, – В захваченных районах татары режут всех поголовно. Я слышал, они как квартал вырежут, трупы свалят в одну кучу, а потом вытапливают сало из них и смазывают ими телеги.

– Да что Вы за ужасы рассказываете. Немцы – культурная нация. Вот увидите, когда они займут Город, здесь будет орднунг, как у них водится – в лучшем виде. И с продовольствием наладится...

– Кто это сказал??

Стоящий в очереди огромный бородач – Ио показалось, что он его где- то уже видел – неожиданно перегнулся через двоих стоящих за ним и сгреб лапищей вполголоса рассуждавшего про «орднунг».

– Ребята, я провокатора споймал!

Очередь, доселе более- менее ровная, смешалась, вспучилась буруном. Мужчины с одинаково сузившимися глазами и изможденные женщины с искаженными лицами проридались через остальных поближе к месту поимки злодея. Назначенный провокатором – невысокий мужичонка субтильного вида – пучил глаза в смутном недоумении, переходящем по мере понимания стряпшегося с ним в панический ужас. Пока он только испуганно глядел то на великана, крепко держащего его за загривок, то на решительно приближающихся стремительно злеющих людей, шепча еле слышно – «братцы, вы чего, братцы».

Ближе всего к пойманному очутился лохматый подмастерье с выражением радостного изумления на лице.

– Гля, ребята, провокатор! – делясь счастьем узнавания воскликнул подмастерье, – А у меня твои давеча племяша на Пулковских убили. Сколько тебе платят, гад?

– Да что с ним говорить, – встрял очутившийся рядом басовитый крепыш, – Кончить, да и вся недолга! – и ткнул кулаком в лицо трепыхающейся жертве.

Последовали второй удар, третий, десятый. Голова несчастного уже скрылась за подвижной решеткой мелькающих рук.

– Прекратить самосуд! – Ио с запоздалым недоумением обнаружил себя в самом эпицентре свалки, – Задержанного надо сдать властям!

– А ты кто такой умный? – немедленно переключился на Ио крепыш, – Не дружок его часом?

– Хочешь знать, кто я? – Ио холодно сжал губы.

Решительно выхватил из внутреннего кармана бумагу Гогенхайма и ткнул в нос крепышу.

– Подпись видишь? А печать?

– А ну – покажь! – протянул безразмерную пятерню великан.

– Что здесь происходит? – прикрикнул кто- то, явно привыкший командовать.

Ио обернулся и увидел капитана Феба с парой полицейских за спиной.

– Провокатора поймали, паникера, господин офицер! – выскочил к полицейскому давешний подмастерье, – Помяли немного, а то он сбежать хотел. Мы б его сами на месте грохнули, да вот этот мутный дядя помешал.

– Правильно помешал, – спокойно заметил Феб, – Сознательный подданный. Убийство граждан – исключительная привилегия государства. Присвоение ее негосударственными группами или отдельными людьми – куда более тяжкое преступление, чем обыкновенное причинение смерти.

Толпа растерянно расступилась, оставив в полукруге сурово глядящего Ио и перепуганного взъерошенного «provokatora».

– Господин Ио, опять Вы? – Феб удивленно приподнял бровь, – Уже во второй раз полиция вынуждена благодарить Вас за помощь.

Ио развел руками, не зная, что ответить. Капитан кивнул на взъерошенного.

– Кто таков?

– Да это ж Хаанс, парикмахер! – раздался удивленный голос из толпы, – Он на нашей улице салон держит на три кресла. Ну ляпнул глупость по дурасти. Так что – сразу убивать?

Несколько мужчин, стоящих ближе, только что особо усердно мутузивших незнакомца, недоуменно понурили головы. Испуганный парикмахер с соседней улицы на объект праведной ненависти явно не тянул. Зеваки стали расходиться. Кто давеча стоял в очереди в лавку, поспешил на свои места.

– Разберемся, – заверил публику представитель власти, – Забирайте его! – приказал Феб двоим подчиненным и, не дожидаясь выполнения приказа, заложив руки на спину, проществовал дальше по улице.

– Что Вы творите, мой сумасшедший друг? Это же стихия – сметет и не заметит, – отругал приятеля Никита.

– Там дело к убийству шло, – разведя руками, объяснил Ио, – Я не мог не вмешаться.

– А сами Вы – бессмертный, что ли? – Никита глубоко вздохнул, как бессильный воспитатель по поводу очередной шалости подопечного малыша, – Вот так всегда наш брат интеллигент себя ведет – смело, великодушно, благородно. Совсем как родовитый рыцарь – на коне, в латах и с мечом. Только с небольшим отличием – нет у него ни коня, ни лат, ни меча. Ни рыцарской выучки, ни могущественного клана за спиной. Только идеалы и непомерная уверенность в священном долге причинять кругом добро и справедливость.

– А я думаю, это было впечатляюще, – раздался чарующий голос из стоящего рядом паланкина.

– Не смею возражать, прекраснейшая, – Никита на глазах расцвел самой умильной улыбкой и глубоко поклонился.

Штора паланкина отодвинулась. Ио увидел женское лицо с полупрозрачной бледно-розовой кожей в обрамлении огненного цвета волос, убранных в сетку. По отдельности черты лица незнакомки – слишком прямой нос с едва заметной переносицей, губы, изогнутые чересчур прихотливо, вздернутый подбородок – производили впечатление странной избыточности. Будто нерадивый художник взял у разных женщин самые выдающиеся особенности и поместил на один портрет. Но вместе они создавали образ, от созерцания которого у Ио вспотели ладони.

– Я думала, что знакома со всеми интересными людьми в Городе, – полилась в сердце Ио речь незнакомки, – Но Вас я не знаю – серьезное упущение. Признаюсь, Вы меня здорово заинтриговали. Так просто одеты. Как бедняк стоите в очереди к хлебной лавке, а ведете себя как право имеющий. Как дурак бросаетесь в гущу разъяренной толпы и побеждаете. Кто Вы?

Ио растерянно улыбнулся. Слова застряли в горле, а мысли безнадежно спутались.

– Увы, но это самый сложный вопрос, какой можно мне задать, – смог он выдать из себя, – Могу только сказать имя – Ио.

– Ио, – прошелестело из паланкина, – Я запомню. Не сомневаюсь, мы еще встретимся, Ио.

Повинуясь незаметному жесту, паланкин двинулся по улице, удаляясь от друзей. Никита проводил его взглядом и еле слышно присвистнул.

– Да Вы – сердце, мой мужественный друг.

– О чем Вы? – удивился Ио, – Я двух слов не смог связать.

– Это же Елена Прекрасная! – паланкин исчез за углом, и Никита уже не стеснялся, – Вы вызвали интерес у самой красивой женщины Города! Даже не знаю, стоит ли поздравлять с этим.

– Что Вы имеете в виду?

– Она – бывшая жена одного из военачальников вражеской армии, некоего Менелая, – охотно пояснил Никита, – Ее отбил у мужа и привез в Город один из троянских принцев, Парис, и с тех пор Елена находилась здесь под его галантной защитой, – Никита ухмыльнулся, – Что не мешало, впрочем, ему иметь семью, а ей – очередь из поклонников.

Рассказывал Никита вкусно, смакуя слова. Тема его явно очень интересовала.

– Но Парис погиб – нынче такое со многими случается, даже с принцами. Елена осталась без защиты и полагаю, сейчас в активном поиске. Соискателей достаточно, но она старается не прогадать. Это ожившее изваяние Фидия чертовски расчетливо. В общем, опасная женщина. Не поверите, но одно время поговаривали даже, что осада Города началась из-за нее.

– Готов поверить! – выпалил Ио и густо покраснел.

Никита с тревогой и любопытством быстро заглянул ему в лицо.

– Э, мой любвеобильный друг...

Кто-то сильно дернул Ио за рукав. Он поспешно обернулся, опустил глаза и увидел щекастого мальчишку в белом колпаке из хлебной лавки. Ученик пекаря протянул Ио небольшую корзинку, закрытую куском ткани.

– Это Вам от хозяина! – заявил парнишка.

– Почему? – удивился Ио.

– Если б не Вы, того дядьку убили бы прямо перед лавкой, – бойко отбарабанил мальчишка, – Нам проблемы не нужны. Вот хозяин и решил Вас отблагодарить. Вы – крутой мужик!

– Я не могу принять такой подарок, – покраснев, пробормотал Ио, суя корзинку обратно.

– Почему? – в свой черед удивился мальчишка.

– Твоему хозяину, наверно, самому не легко сейчас. Город в осаде.

– Да Вы что! – протянул парнишка и простодушно затараторил, – Хозяин на осаду просто молится. Сами посудите: конкуренции нет, проблем со сбытом нет, за поставками муки городские власти строго следят. А уважения сколько!

Площадь заполнилась изможденными людьми с явной печатью недоедания на лицах. Ио впервые порадовался своей худобе и бледности. Благодаря этому от окружающих он не очень отличался. Как ни силился, Ио так и не смог разглядеть в глазах паствы Яна Лейденского истовый пламень, прославивший анабаптистов за пределами Мюнстера. Казалось, осада вынула из них искру, оставив только обреченность.

Внезапно в первых рядах послышались возгласы. «Скажи нам, пророк!» – отчаянно завопила какая-то женщина. Вопль ее напоминал крик раненой птицы. Площадь загудела на тысячи голосов. Ио посмотрел по сторонам и поймал себя на странной мысли. Многие из стоящих рядом «избранных», восславивших в себе образ Божий, уже мало походили на людей. Они как будто приветствовали предводителя, но из их глоток до Ио доносился клекот ночных тварей, звериный вой и рычание. В издаваемых «избранными» звуках он слышал бездумный непонимающий плач по тяжелой участи и еще более пугающем будущем.

Тем временем на помост поднялись несколько человек. Впереди в пурпурной мантии и короне вышел сам пророк-император. Ян Лейденский не походил на свою паству. Даже не стоя рядом, Ио видел торжество витальной силы, исходящей от пророка. Величественным жестом Ян поднял руку.

– Дети мои! – громовым раскатом прозвучал голос пророка-императора, – Великую весть я Вам принес сегодня. И звучит она так: не бойтесь! Вы смотрите за Периметр и видите, как все Силы Зла собрались у стен Города. Это зрелище наполняет вас страхом. Но подумайте,

что означает их великий поход на вас. Только одно – великий страх Князя Тьмы перед вами. Но если сам Сатана напуган вашей грозной силой, разве не глупо вам бояться его?

Площадь выдохнула разом. Кто-то захохотал. Истерический смех охватил ближний правый угол у помоста, волной пробежал толпу наискось и угас в другом конце площади.

– Дети мои! – продолжал проповедь Ян, – Вам говорят – «Весь мир против вас». Вы слышите – «Во всем мире у вас нет ни друзей, ни союзников». Но, ведь, это и означает, что час радости близок. Ибо вы знаете, чему предшествует всемирное царство Зла. Близок как никогда день Гнева Господнего!

Толпа взревела. Многоголосое нечленораздельное «АААААА!!!» взорвало площадь, и многократно оталкиваясь от стен домов, взлетело ввысь. Кто-то в экстазе вскочил на помост и обхватил ноги оратора. Тут же два дюжих откормленных молодца отработанными движениями отодрали безумца от пророка- императора и куда-то утащили.

– Не бойтесь, ибо пророчества уже сбылись! – голос Яна Лейденского звучал отовсюду, словно существуя уже отдельно от смертного молодого человека в короне и мантии, стоящего на помосте, – Всмотритесь в чистоту своих душ. Вам больше не нужны блага мира сего. Страшный суд уже случился. Достойные геенны огненной – уже в ней. Остались только праведные. Известный вам мир безвозвратно погиб. Вы – уже в Царстве Божием. Другого не будет.

Ио в ужасе смотрел по сторонам. Толпа визжала, плясала, прыгала в экстазе. Худой как палка беззубый мужчина без возраста, вереща, бил кулаком по голове плешивого соседа с обвисшими щеками, тоже вопящего и рвущего на себе остатки волос. Двое мужчин, крича, срывали платье с зажатой между ними плачущей от восторга женщины с еще заметными следами увядшей красоты. Безобразная старуха запрыгнула на парня, который вертелся на месте, то ли тоже безумствуя, то ли пытаясь ее сбросить. Кто-то уже совокуплялся прямо на мостовой. Кто-то кого-то бил. Кто-то сорвал с себя лохмотья и, лая и вижжа, высоко подкидывая ноги и взмахивая костлявыми руками, танцевал по лежащим, слившимся в половом акте или бьющимся в припадке.

Пророк- император повернул голову и вдруг в упор посмотрел на Ио. Речь его не прервалась, но Ио показалось, что в глазах главаря анабаптистов мелькнуло удивление.

«Неужели он узнал меня?» – подумал Ио.

Он попытался пробраться поближе к помосту, но тут к пророку- императору подбежал человек в серой блузе и начал что-то жарко шептать на ухо. Ян встревоженно глянул на него, сказал что-то кивнувшему в ответ помощнику и в окружении нескольких спутников- охранников канул в толпу.

... – Я был в Мюнстере, – Сообщил Ио Никите на следующий день.

Никита испуганно отпрянул от него.

– За каким чертом Вас туда понесло?

Ио пожал плечами.

– Вы мне про них так интересно рассказывали, что я подумал – не найду ли я там зацепок по моему делу?

Никита возмущенно взмахнул маленькими ручками.

– Вас послушать, так я – коварный злодей, который постоянно подбивает неопытного юнца на авантюры и глупости, разжигая его любопытство!

– В моей случае, – улыбнулся Ио, – Дело именно так и обстоит.

Никита пару раз озадаченно моргнул.

– А. Ну да, логично. Ну и что же Вы там делали?

– Слушал Яна Лейденского. Но не в этом дело: кажется, он узнал меня!

– Вы говорили с пророком- императором? – Никита в ужасе воззрился на Ио.

– Нет, в той ситуации это было совершенно невозможно. Просто он посмотрел на меня как на знакомого. Как будто удивился, что я здесь. Мне нужно встретиться с ним.

Никита покачал головой.

– Стало быть, Вы не в курсе. Ночью Мюнстер занят войсками Совета. Там серьезная резня. Похоже, Яна Лейденского кто-то предупредил. Он бросил свою паству и успел скрыться. Боюсь, сейчас этот предатель уже за Периметром. Поводом зачистки стали доказанные связи леваков с турками.

Никита нервно дернул плечом.

– Эти народолюбивые придурки всерьез считают, что у османов сплошная диктатура пролетариата, а султан рубит вельможам головы за обиды, нанесенные простолюдинам. Дураки любят сказки про социальную справедливость.

Ио застыл с открытым ртом.

– Ничего страшного, – сказал Никита, – У нас с Вами сегодня другая важная встреча.

– Почему Вы выбрали именно этот кабак? – недовольно пробурчал Архимед, приканчивая обильный ужин.

Высокий лоб мэтра в очередной раз склонился над огромной печеной рыбой на блюде. У инженера оказался зверский аппетит.

– Это я виноват, – вступился за Никиту Сцевола – сослуживец и подчиненный Архимеда, – Попросил назначить встречу поближе к Институту Сиракуз.

– Спасибо за заботу, дорогой Муций, – брюзгливо пробормотал мэтр, мотнув неряшливой бородой. У меня от этих воплей уже голова разболелась. А мне сегодня еще работать.

С улицы раздавались голос Кассандры и ее горластых сторонников, непрерывно митингующих на Пляс Антик. Таверна, где собрались Никита, Ио и двое инженеров, находилась как раз на ней.

– Когда я сюда подходил, – заметил Ио, скорее, для поддержания разговора, – я слышал, как Кассандра пророчествовала, будто бы с Троянского коня начнется пожар, который погубит весь Город.

– Не исключено, – пожал плечами Никита, – Конь-то – деревянный.

– Оно так, – согласился Муций, – Но Кассандра-то явно имеет в виду не столько буквальный смысл, сколько символический. Мол, предметы упаднического чуждого искусства, стоящие посреди Города, развращают молодежь, создают у нее ложный привлекательный образ Врага...

– Я абсолютно не разбираюсь в искусстве, – перебил коллегу Архимед, не забывая забрасывать в рот куски рыбы, – Но решительно не понимаю, как может измениться художественная ценность этой лошади от того, что скульптор, ее изваявший, занимается строительством стенобитных орудий на той стороне. Вот я, скажем, использую в последних проектах разработки доброго десятка инженеров, трудящихся на Врага и занимающих у него высокое положение. И что – разработки от этого становятся чем-то хуже? – Архимед хмыкнул, – По моему, так совсем наоборот!

– Не бойтесь так откровенничать в людном месте, мэтр? – поинтересовался Ио.

Архимед самодовольно хохотнул.

– Пока я нужен Совету, могу говорить, что угодно. А нужен я ему буду как минимум до конца осады.

– КБ господина Архимеда, – вполголоса пояснил Ио Никита, – главный военный разработчик Города.

– Вы видели действие системы «Коготь»? – обращаясь к Ио, спросил Архимед, – Наша работа.

– К несчастью, не видел. Простите, – извинился Ио.

– Жаль, – сказал Никита, – Весьма эффектное зрелище. Вражеский корабль внезапно повисает в воздухе, как свиная туша в мяснической лавке. И все финтифлюшки – пушки, сна-

сти, грузы – летят по все больше наклоняющейся палубе вверх тормашками. А система зажигательных зеркал? Немного непонятных для Врага манипуляций на берегу и – пых! – вражеский флагман вспыхивает, как свечка, как по волшебству!

Ио глянул на Архимеда. Тот, будто не слушая славословий в свой адрес, вгрызлся в рыбу. Когда Никита закончил, приподнял голову.

– На самом деле, это все ерунда, детские игрушки. Усовершенствование катапульты и другие опыты с рычагами – более интересная инженерная задача. Хоть и не так эффектно выглядит. Впрочем, это только специалисту понятно.

Сцевола с улыбкой кивнул.

– Отнюдь не только, – возразил Ио, – Я наслышан о Ваших достижениях. И вовсе не от ученых.

– От нашего друга Гектора? – уточнил Архимед с явным удовольствием.

– Нет, – Ио покачал головой, – От людей из очереди за хлебом. Они говорили, что именно Вы остановили в Городе время. Штукой под названием маятник.

Сцевола засмеялся. Архимед недовольно зыркнул на него. Сцевола осекся.

– Как, однако, по-идиотски преломляются в мозгах дураков реальные события, – недовольно пробормотал Архимед, – Ну ладно, Вам как другу Гектора расскажу, откуда ноги растут. Турки прокопали туннель и заложили часовую мину под стенами Вены. Австрияки вовремя заметили, что происходит, и начали встречный подкоп.

– Подкоп, часом, не копался из места, называемого Керкопорта? – ухмыльнулся Ио.

– Да, оттуда. Откуда Вы знаете? – подозрительно спросил Архимед.

Ио вздрогнул и уронил нож, Архимед недоуменно глянул на него и продолжил.

– Меня позвали руководить инженерными работами. Саперов Сулеймана Великолепного мы благополучно засыпали – по семьдесят им гурий на шишку, а часовой механизм остановили. Оттуда байка об остановившемся времени и пошла.

Архимед злобно ухмыльнулся.

– Но из-за глупости военных, лезущих в дела, в которых ничего не смыслят, извлечь из-под завала бомбу не смогли. И сейчас она там лежит за пять секунд до красной черты, и в любой момент стрелка может начать двигаться опять.

– Так это что, выходит, весь Город нынче сидит на часовой мине? – ахнул Ио.

– Ну, так оно обычно бывает, – заметил Никита, – Просто есть посвященные, на которых лежит груз этого знания, и есть прочие, – и значительно глянул на Архимеда.

Инженер важно кивнул. Повисло неловкое молчание.

– Все же, наверно, жаль растрчивать талант на войну, – наконец, сказал Ио, – Вряд ли убийство людей – единственное достойное назначение науки.

Архимед пожал плечами с некоторой досадой.

– Такова реальность. Сорок процентов ученых так или иначе участвуют в научных разработках для военных нужд.

– В Городе? – уточнил Ио.

– В мире, – припечатал Архимед, – В Городе – то, я думаю, сейчас – существенно больше. Процентом девяносто. Или девяносто пять.

– Включая энтомологов и ихтиологов? – улыбнулся Ио.

– У меня есть знакомый энтомолог, – сказал Сцевола, – Он изучает технику полета мухи. Заказчик исследования – военно-воздушное ведомство.

– Думаете, власти стали бы столько тратить на науку, если бы не война? – обратился Архимед к Ио, – Кому мы были бы нужны, если бы не разработка военных машин? А сейчас мы в рамках этих исследований много других тем реанимировали. Разработку червячной передачи и винта моего имени, математическую теорию рычага.

– Это все нужно для военных целей?

Архимед пожал плечами.

– Кто знает? Лично я воспринимаю это как задержанную плату за годы забвения науки в Городе.

– Простите, – озадачился Ио, – А это разве не называется «не целевое расходование средств оборонного бюджета в военное время»?

– Я же объяснил, – с досадой сказал Архимед, – Сейчас, пока мы поставляем войскам порох с научно оптимизированными характеристиками и качественный «греческий огонь», нам можно все. До последнего времени наша работа курировалась непосредственно принцем.

– Вы имеете в виду, принца Василия? – заинтересовался Ио, – того, что утонул в крови?

– Нет, принца Гектора, Вашего друга, – ответил Архимед и добавил, брезгливо скривившись, – При всем уважении, ради бога, хотя бы при мне не повторяйте уличные сплетни. Князь Василий, конечно, погиб при штурме Козельска, но про утопление в крови – это же фигурально, метафорически. Такое физически невозможно.

– Отчего же, мэтр? – неожиданно возразил Сцевола, – Жидкость как жидкость. Ей вполне можно захлебнуться.

– Ну как Вы себе это представляете, Муций? – изумился Архимед, – Явно же под утоплением не имеется в виду асфикция от попадания в легкие собственной крови. Тогда бы говорили – «захлебнулся». Значит, речь идет о погружении дыхательных путей в некий резервуар, наполненный кровью. О какой емкости речь?

– Ну, допустим, замкнутое пространство, подвальная комната, – немедленно отозвался Сцевола, – Их же окружили, князь уходил все дальше вглубь и ниже. Туда могла стекать кровь со всего пространства побоища.

– Ну даже если так, – принял возражение Архимед, – Допустим, площадь помещения метров восемь. Если в одном человеке пять литров, чтобы князь захлебнулся, требовалось бы...

Архимед схватил салфетку, начал на ней что-то быстро писать карандашом. Сунул под нос коллеге. Сцевола перегнулся через стол, вытащил у Архимеда из рук карандаш. Начал царапать что-то под почеркушками мэтра. Коллеги стали что-то быстро и горячо говорить друг другу, вырывая салфетку друг у друга из рук. До Ио и Никиты доносились возгласы «но не вся же кровь из человека вытекает!» – «а Вы помните, сколько там народа погибло??» – «но комната же не герметична!» – «а про свертывание забыли??» и т. д.

– Простите, – оторопев, тихо спросил Ио, – Я правильно понял? Вы сейчас так увлеченно обсуждаете, крови скольких людей достаточно, чтобы человек мог в ней утонуть? Вам, вообще, все равно, какую задачу решать?

Инженеры замолчали и не понимаясь обернулись к Ио.

– Просто наш друг не привык к времяпровождению среди научно-технической элиты, – мягко пояснил Никита, – Извините его.

– Иногда приходится выбирать – обычная этика или научное любопытство, – сказал Архимед безо всякого смущения.

– И что Вы выбираете? – уточнил Ио.

– А Вы разве не поняли? – Архимед добродушно хмыкнул, – Знаете, Ио, я думаю, Вы – не учёный. Только не обижайтесь. В Вас нет важного качества – умения абстрагироваться от обыденных представлений. Вряд ли среди наших Вы найдете ответы на свои вопросы. Но Вы, ведь, кажется, участвовали в боевых действиях?

Ио пожал плечами.

– Я это знаю от Никиты.

– Так, может, – сказал Архимед со снисходительным участием, – Вам обратиться к военным? Наверняка кто-то из них Вас помнит. Товарищи по оружию, все такое...

Среди шума на улице послышались вопли.

– Да что там происходит, в конце концов? – взорвался Архимед.

– Научное любопытство, мэтр? – вкрадчиво поинтересовался Ио.

– Кажется, горелым запахло, – недоуменно пробормотал Сцевола, – С кухни, что ли?

Архимед вышел из-за стола и быстрым шагом направился к двери. С улицы в таверну повалил дым.

Все посетители, включая только что беседовавшую четверку, выскочили на улицу.

Ио оторопел. Деревянный конь в центре Пляс Антик полыхал как факел.

– Это что – исполнение предсказаний Кассандры? – спросил он у незнакомца рядом.

– Да какое предсказание! – отозвался прохожий, жадно вглядываясь в разгорающийся огонь, – Это же один из ее олухов и поджег. Да и бог с ней, с этой дурой, в конце концов, – зевака вздрогнул и торопливо пояснил, – это я про коня говорю, если Вы не поняли.

– А пожарные где?

– Какие пожарные? – удивился другой незнакомец, – По Городу только от обстрелов несколько десятков пожаров в жилых домах. Там людей спасают. Кто эту хрень будет тушить, Вы о чем?

Сцевола с разинутым ртом смотрел вверх.

– Мэтр, – обратился он к Архимеду, – А Вам не кажется, что сейчас...

Туловище коня стало все быстрее крениться в сторону. Толпа охнула и отпрянула. Вдруг горящая голова отделилась от обуглившийся деревянной шеи, и будто ее кто-то метнул, с размаху влетела в верхнее окно таверны. Через мгновение в глубине таверны раздался громкий хлопок. Языки пламени вырвались из дверей.

– Портфель! – заорал Архимед, – Там же чертежи, записи!

– Какие записи? – не понял Ио, – Вы что, сверхсекретные материалы с собой в таверну притащили?

– Дома хотел поработать, – пропавшим голосом просипел мэтр, – Это же недели работы.

Внезапно Архимед бросился к двери.

– Сгоришь, дурак! – бросился на него один их стоящих рядом официантов.

Ио вдруг понял, что только что стоявший рядом Сцевола куда-то пропал. Через несколько секунд в дверях показалась дымящаяся фигура с портфелем в руках и горящими рукавами. Сцевола – это был он – споткнулся на пороге, упал, швырнул портфель в сторону Архимеда и затих.

Портфель перекувырнулся в воздухе и раскрылся. По площади полетели листки бумаги, загораясь от тлеющих обломков коня. Архимед метался из стороны в сторону с криком «Мои записи!». Официант и какой-то незнакомый прохожий ловили и оттаскивали его от огня.

Ио побежал к Сцеволе, на ходу стряхивая с себя шинель. Инженер лежал с закатившимися глазами, вытянув горячие руки вперед. В лицо Ио ударило жаром из дверей. Чуть не задохнувшись, он набросил шинель на Сцеволу, одновременно пытаясь сбить пламя и оттащить инженера от двери. Когда он отодвинул потяжелевшее тело буквально на несколько метров, Сцевола открыл глаза, сверкнувшие белизной на черном лице и прошептал: «Записи спасены!». Ио скосил глаза на бегущего по площади Архимеда, пытающегося догнать парящие от него в жарком мареве тлеющие листки. В этот момент сзади рухнула поперечная балка над входом.

Ио и Сцевола прогуливались по садику за больничной оградой.

– Все равно, Муций, не могу понять, зачем Вы это сделали, – Ио неодобрительно покачал головой, – Вы, ведь, даже не знали, что это за бумаги. Архимед потом объяснял, что в них – месяц его работы. Всего лишь месяц! А Вы чуть не заплатили за них своей единственной жизнью! Вам не кажется, что цена слишком велика?

Сцевола, бледный, с правой рукой, висящей на шее и обмотанной бинтом по плечо, осторожно пожал плечами.

– Даже не знаю, как Вам объяснить, мой дорогой спаситель...

Сцевола невидяще и беззащитно улыбался как слепец или напротив – как проникающий внутренним взглядом слишком многое.

– Во время нашей встречи Вы упомянули Керкопорту. Стало быть, Вы знаете эту легенду. Но не все курсе, что у нее есть продолжение. На самом деле, Керкопорту уже находили и не один раз. Но вот что удивительно. У каждого из счастливых находилась веская причина, по которой он не бежал сейчас же к военным властям. Юнец, наткнувшийся на дверцу, уклонился от военной службы. Престарелый вор прятался от закона. Неверный муж боялся строгой супруги, которая узнает, что он не был на ночном дежурстве, а ходил к любовнице на другой конец Города. Университетский профессор, славный ученостью и трезвым умом, опасался, что его заподозрят, будто он верит в сказки. Будущий отец вез жену рожать. Врач спешил к больному. Богач торопился сорвать куш на бирже...

Сцевола скривился – то ли от боли, то ли от досады. На лбу раненого выступили капли пота.

– А потом они забывали, где видели Керкопорту. И уже не могли вспомнить, даже если очень хотели.

Инженер остановился около скамейки, еле заметной среди кустов и осторожно, стараясь не потревожить раненую руку, сел.

– Простите, мне надо лекарство принять.

Сцевола закинул голову, неуклюже левой рукой забросил в открытый рот таблетку и запил прозрачной водой из бумажного стаканчика.

– Мы привыкли надеяться, что ради спасения Города малой долей своего благополучия поступится кто-нибудь другой. Потому что ты истратишь свой мир без остатка, а Город – из-за его величины – твоей жертвы даже не заметит. Парадокс в том, что если Город падет, тяжело пострадают все наши маленькие мирки.

– Дяденька, дяденька, а Вы – раненый?

От неожиданности инженер и Ио вскочили как по команде. На дорожке перед ними будто ниоткуда возник мальчишка лет восьми с глазами, от любопытства аж выпрыгивающими из глазниц. Мальчишка держал в руках желтый мяч, размером чуть меньше своего хозяина.

– Да, мальчик, я – раненый, – сказал Сцевола и почему-то покраснел.

Мальчишка еще больше выпучил глаза.

– А как Вас ранили?

– Как тебе объяснить?.. – Сцевола задумался, – Видишь ли, мальчик, бывает такая информация, очень важная для обороны Города, которую необходимо сохранить во что бы то ни стало. Вот я и пытался...

Сцевола растерянно замолчал на полуслове. На лице парнишки застыло выражение глубокого недоумения. Вдруг его рот раздвинулся в широкой улыбке.

– Я понял! Вы – разведчик! Попали в плен, Вас там пытали, но Вы никому ничего не сказали. Так?

Сцевола умоляюще глянул на Ио, помощи не получил и неловко кивнул.

– Здорово! Я мальчишкам расскажу, что разговаривал с настоящим разведчиком!

Мальчишка развернулся и побежал куда-то вглубь.

– А что я должен был сказать? – беспомощно объяснил Сцевола, – Что обгорел, спасая из дома бумажки? Парень бы меня не понял...

– Вы опоздали.

На этот раз Петроний принимал Ио, сидя в глубоком кресле за столом. На столешнице перед поэтом стояла давешняя чаша из индийского камня, кувшин с вином, горка порезанных фруктов на блюде, уже начинающих обветриваться и подгнивать. С первой встречи элегантная

щетина на щеках и подбородке хозяина дома превратилась неряшливую бороденку с седыми пятнами. Арбитр Изыщества явно пребывал в состоянии многодневного алкогольного пиршества, когда праздник пьянства уже понемногу превращается в скучную повседневность.

– Выпьете со мной? – бросил он Ио, как только тот вошел – вместо приветствия.

– Нет, мне нельзя. Вы же знаете.

– Да можно Вам, – Петроний маятно помотал головой, – Нам с Вами, как тому больному, теперь все можно... Ну, как хотите. Тогда я один.

Петроний небрежно наклонил кувшин. Струя вина вылилась точно в центр чашки, не проронив ни капли мимо. Мэтр взял чашку в руку, поднес ко рту.

Ио остановился у окна, прислонил палку к подоконнику.

– Вы меня позвали, чтобы что-то сообщить о моем прошлом?

Петроний повернул к Ио голову и скривился, прикрыв глаза рукой от солнца.

– Скорее, чтобы еще раз попробовать переубедить.

Ио не слишком вежливо закатил глаза. Без толку пройдя пол- Города, он считал себя вправе не церемониться.

– Тогда не стоило утруждаться.

Петроний мотнул головой – то ли сокрушенно, то ли просто стряхивая пьяное отупение.

– В прошлый раз Вы что-то говорили про вид из окна. Гляньте еще раз.

Ио обернулся к окну.

– Тогда Вы просто неправильно смотрели. Надо искать не что есть, а чего нет.

Ио приоткрыл рот, резко развернулся к Петронию. Показал пальцем в оконный проем.

– Я понял. Там нет осады. Ни лучников Джустиниани, ни прожекторов, ни мачт затопленного Черноморского флота. Даже Мраморное море видно, а корабли Балтоглу – нет. Это какой-то фокус?

Петроний пожал плечами.

– Всего лишь, другой ракурс, – поэт помолчал пару секунд, – Просто этот вид дорого обходится – во всех смыслах. Тем же, кто платить не хочет или не может, достаются виды страшнее и неприятнее. А Вам Ваш «ракурс» достался просто так, как дар – не знаю уж, небес ли, либо каких-то добрых людей, удачно стукнувших Вас по голове. И Вы от этого дара отказываетесь. Зачем?

Ио недоуменно развел руками.

– Зачем что? Зачем я хочу знать реальное положение вещей, собственное прошлое? Почему не желаю, как Вы, прятаться от реальности среди крепко сработанного обмана?

Петроний в сердцах хлопнул ладонью по столешнице.

– Да поймите же Вы, странник Вы наш очарованный! Это Вам только кажется, что осада – реальность, а вид в моем окне – иллюзия. На самом деле, и то, и другое – декорация, мак-сировка чего-то непостижимого, ужасного. Нету в этом Городе ничего настоящего. Ничто не является тем, чем кажется. Вы тратите ермя и силы на бегство из одной темницы в другую.

– Я опоздал к Вам, потому что смотрел, как женщины, дети, старики носят камни, чиня крепостную стену, – сказал Ио, без приглашения садясь в кресло напротив, – Вот это – настоящее. И для меня – гораздо убедительней, чем вся Ваша философия умной бездеятельности и мудрого незнания.

Перед глазами Ио опять выстроилась вереница людей, споро подтаскивающих камни к стене, мастера, торопливо размешивающие и накладывающие раствор. Он вспомнил себя, захваченного общим порывом. Большой камень в руках, темноту в глазах и доброе лицо старика над собой: ' Отдохни, солдатик. Ты, я смотрю, свое уже отвоевал. Иди с богом. »

Петроний пошевелил губами, закатил глаза – будто считая в уме.

– Вы, ведь, наверно, шли через Акру?

– Да, – удивленно кивнул Ио.

Поэт выпил в одиночку, поглядел на собеседника.

– Вы видели ремонт цитадели тевтонского ордена. Ее, действительно, разрушил утренний обстрел. Только она не для защиты от Врага. Враг от нее далеко. Цитадель нужна тевтонцам, чтобы обороняться от тамплиеров. Соратников, так сказать. Ордена в Акре крепко враждуют, вплоть до вооруженных нападений друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.